

МИФОПОЭТИКА ПРОСТРАНСТВА

Н.А. КРИНИЧНАЯ
(Петрозаводск)

КРЫЛЬЦО КРЕСТЬЯНСКОГО ЖИЛИЩА: ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ НАРОДНОГО ИСКУССТВА

Типичная сказочная коллизия: мудрая супруга, выйдя вечером на *крыльцо*, кличет чудесных помощников — «служек, нянек, верных служанок» (адресаты могут варьироваться) — и те за одну ночь выполняют задачу, для обычных людей неосуществимую.

В отличие от сказки, где этот эпизод уже осмысливается как вымысел, в мифологических рассказах вера в возможность контактов с трансцендентным миром, многообразных в бытовлненных проявлениях, сохраняется едва ли не до наших дней.

Крыльцо, устраиваемое перед дверью, ведущей извне в сени либо из сеней наружу, включено в последовательность элементов двоякого рода: или связующих жилище в самой конечной точке с пространством вне дома, или открывающих обратную цепь: крыльцо — сени — изба — лавка [Невская 1982, 113. См. также: Никитина, Кукушкина 2000, 108, 196]. В мифологических рассказах и поверьях оно маркировано знаком перехода между своим, жилым, культурным пространством и чужим, природным, стихийным. В этом свете неудивительно, что крыльцо в быличках и бывальщинах, т.е. в меморатах и фабулатах, представлено как место контакта человека с потусторонними силами, которые подчас слабо диффе-

ренцированы, а то и вовсе не персонифицированы.

Наша задача — на основе комплексного изучения мифологических рассказов, соотнесенных с произведениями народного изобразительного искусства, как и с лингвистическими данными, выявить семантику исследуемого локуса. С этой целью необходимо: рассмотреть структурно-планировочные и декоративно-конструктивные элементы крыльца, представленные в их реальном и символическом, прежде всего мифологическом, значениях; выяснить смысл терминов, которыми данные элементы именуются; определить природу тяготеющих к крыльцу запредельных пришельцев; раскрыть характер взаимодействия и последствий контактов с ними для обитателей крестьянского жилища. Попытка решения проблемы в обозначенном ракурсе, базирующаяся на анализе разнообразных материалов народного искусства: фольклорно-мифологических, историко-архитектурных, этнолингвистических, отчасти археологических, — предпринимается впервые.

В естественных условиях бытования фабулатов, а тем более меморатов, в них неизменно обнаруживаются глубинные внетекстовые связи и ассоциации, которые так и остаются скрытыми для не посвященных в традицию. В результате вербальный образ крыльца дополняется визуальными представлениями, хранящимися в сознании, а часто и в подсознании, и рассказчика, и слушателей. Иначе говоря, при упоминании крыльца, где якобы разворачивается мистическое действо, в памяти носителей традиции всплывает тот или иной зрительный образ данной пристройки со всеми ее структурно-планировочными и декоративно-конструктивными

особенностями. Впрочем, в таких случаях речь может идти и о совершенно конкретном доме, крыльце и даже о знакомом человеке или родственнике, якобы вступившем здесь в контакт с запредельным пришельцем.

В севернорусских деревнях крыльца, которые в быличках и бывальщинах приобретают знаковое, символическое значение, были разными по форме и конструкции. Например, встречалось крыльцо в виде небольшого дощатого помоста с одной-двумя ступенями. Поскольку изба обычно строилась на высоком подклете, то оно сочеталось с внутренней лестницей в сених. Другой тип — крыльцо с наружной лестницей. Наиболее сложно по своему устройству крыльцо с лестницей и двумя рундуками, т.е. с нижней и верхней площадками, о чем упоминается в одной из бывальщин: «Девка и пошла. Выстала во второе крыльцо [т.е. на верхний рундук], а там старик сидит в шляпе» [АКарНЦ РАН, колл. 169, № 434]. Если крыльца первого и второго типов бывают и открытыми, и крытыми, то третьего типа всегда крытые: они защищают всю пристройку от дождя и снега [Бломквист 1956, 126].

Различаются крыльца и по конструктивным особенностям. В основе *лежачего* крыльца — сруб-лежак, который несет на себе ступени и рундук. У *висячих* крылец рундук держится на кронштейнах-выпусках. У *стоячих* крылец рундук покоится на столбе (-ах) или на срубце-стояке [Ополовников 1983, 255—257]. Правда, строительство одностолбных крылец в севернорусских деревнях прекратилось уже в первой половине XX века. Такой, как правило, довольно высокий столб мог достигать в диаметре 60 см. Нередко он был художественно обработан. Например, в известной росписи на борцовой прялке, относящейся к началу XVIII века, подобный столб имеет капитель, т.е. голову, в виде цветка-тюльпана [Пермиловская 2005, 134—135, 260]. В любом случае, декор воплощает в себе идею магической силы изображения. Впрочем, и простой столб, принадлежа к «главным «буквам» архитектурного алфавита» [Глазачев 2002, 67], в народных верованиях нередко отождествляется со столбом-идолом, иначе говоря, с болваном,

в буквальном смысле неотесанным. Вместе с тем в мифологическом сознании одностолбное крыльцо приравнивается к мировому дереву. Не случайно в народной поэзии оно изображается с птицей на вершине и с хтоническим существом — змеей в основании:

*<...> сидит над крыльцом птица,
Под крыльцом сидит змея лютая*
[Варенцов 1860, 99].

Мифологизации подверглись и представления о рундуке крыльца. Судя по новгородским археологическим материалам, датированным XII веком, у многих из выявленных крылец рундуки вообще отсутствуют [Борисевич 1982, 284]. Можно предположить, что ранее их и вовсе не было. Семантика этого локуса формировалась под воздействием представлений об аналогичных настилах: имеются в виду ступени лестницы в их архаической форме, половицы избы, со временем — мост сени. Все они уподобляются мосту через реку, соединяющему миры, которые в народных верованиях локализируются по обе ее стороны. Не случайно *мост* находится в семантическом единстве со словами «дорога», «море», «брод», «переход», «преодоление». Принадлежащие к различным индоевропейским языкам, эти лексемы представлены как бы вариантами одного значения [Бенвенист 1974, 339–340]. Если настил символизирует дорогу-судьбу, то мостинки, как и половицы, связаны с идеей движения по ней и соотносены с иным миром, что находит свое выражение и в мифологических рассказах: «*<...> и вот в паперти заперебирает пол — прямо по одной половице, <...> потом под ним (гадающим дедом.— Н.К.) всё крыльцо заперебирает, все мостинки (выделено мною.— Н.К.) ребром станут*» [АКарНЦ РАН колл. 39, № 13г].

Аналогичные представления обнаруживаются и в народной лирике, в частности в свадебных причитаниях:

*Дайте девушке мостиночку,
Ой, хоть не маленьку тесиночку*
(выделено мною.— Н.К.)
*Ой, как пройти мне во задний,
задний угол ...*
[АКарНЦ РАН колл. 164, № 7].

Крыльцо — метонимический эквивалент жилища, и потому в его декоре дублируется внешнее убранство избы. Оно, как и жилище, наделяется теми или иными рудиментарными, преимущественно зооморфными, признаками. На двускатной кровле этой пристройки в качестве скульптурно обработанного конька, или охлупня, или шелома, по словам рассказчика, «можно было найти и медведя, и можно увидеть какую-то птицу, можно увидеть и коня» [АКарНЦ РАН колл. 192, № 49]. Не этими ли реалиями материальной и духовной культуры русского народа обусловлено былинное описание идеального крыльца?

*На крылечко на дубовое,
Ко перилам ко точным,
Ко медведку ко черному*
(выделено мною.— Н.К.)...
[Шамбинаго 1900, 134].

Правда, со временем абрис крыльца стал все чаще определяться скульптурным оформлением охлупня в виде конской головы. Суждения же о птичьем (как одном из распространенных вариантов) облике крыльца подтверждается, помимо декоративно-конструктивных реалий, и данными древнерусского языка, согласно которым *крыльце*, *крыльцо* — это и уменьшительная форма слова «крыло» (птицы), и «площадка перед входом со ступенями и кровлей» [СРЯ XI—XVII вв. — 8 1981, 95]. Следовательно, первоначальное значение этого слова — «маленькое крыло». Современное значение возникло в результате его *переносного* употребления. В форме *крилцо* в значении «пристройка для входа в дом или выхода из него в виде площадки с лестницей, иногда с навесом» отмечается в писцовых книгах Московского государства под 1578 г. В форме с современным написанием *крыльцо* встречается в переписных росписях Новгорода и Ладоги под 1666 г. [Шанский 1982, 421].

В севернорусских же говорах знаками «птичьего крыла» маркируются, по сути, все составляющие этой архитектурной пристройки: крыльцо, лестница, ступени, рундук. Именуясь в диалектной терминологии однокоренными словами, они нередко не дифференци-

рованы друг от друга. Так, *крылышко* означает «крыльцо дома», а *крыльце*, *крыльцо*, употребляемые преимущественно во множественном числе, равно как и *крыльчата*, *крыльчина*, — «ступеньки крыльца, лестницы» [СРГКиСО 1996, 40—41]. *Крылом* иногда называется наружная лестница и крыльцо [Фасмер — 2 1986, 388], *крылечком* или *крыленкой* — его ступенька [Даль 1989, 205; СРГКиСО 1996, 39], *крыльцом* же, как мы видели в ранее приведенной цитате («выстала во второе крыльцо») именуются и верхний и нижний рундуки-площадки. Кстати, *крилцем* назывался рундук еще в «Домострое», в списке XVI века: «Всегда было чисто и лесница и нижнее крилце» [Домострой 1881, 106]. Данные факты свидетельствуют об изначальной нерасчлененности этих понятий, что обусловлено первичным синкретизмом самих структурно-планировочных элементов древнейшей пристройки.

«Птичья» символика распространяется и на другие элементы крыльца, дублирующего декор избы. *Крыльями*, или *закрылинами*, той и другой части жилища являющиеся причелины, а *подкрылками* — расположенные под кровлей вертикальные резные доски — ветреницы, прибиваемые на торцы бревен [Зеленин 1991, 305; Чижикова 1970, 38]. Мало того, о крыльце как крылатом существе напоминает и глагол *крылить*, что означает «перить» или «окрылять», «снабжать крыльями», а также глагол *крылеть* или *крылатеть* — «растить свои крылья», «становиться крылатым» [Даль 1989, 205].

«Птичий» облик крыльца закодирован и в его постоянном эпитете «перёное», т.е. перельчатое, снабженное перилами. «Перила» же происходят от *переть*; в русско-церковнославянском языке *перу* — «лечу, двигаюсь; посредством чередования связано с *парить*» [Фасмер — 3 1987, 240]. Соответственно *перитися* в древнерусском языке означает «получать крылья», «воспарять», «оперяться», тогда как *перити* — «снабжать оперением (стрелу)» [СРЯ XI—XVII веков — 14 1988, 307]. Присутствие лексемы *перити* в данной семантической ситуации выглядит вполне уместным, поскольку у крыльца есть «тетивы»

или «струны» (эти термины напоминают о луке). В деревянном зодчестве ими обозначаются наклонные бруссы, держащие ступени лестничного марша [Криничная 2001, 146]. В рассматриваемый контекст вписываются и дополнительные значения лексемы «перо», выявленные из древнеиндийского рагнат, где это слово означает не только «перо», но и «крыло, сень» [Фасмер — 3 1987, 243]. Круг замкнулся: в нем сошлись воедино основные значения, определяющие реальный и мифологический смысл концепта «крыльцо».

В этом свете рассматриваемая структурно-планировочная составляющая традиционного жилища осмысливается как живое существо, снабженное крыльями и оперением. Однако в таком существе некогда были различимы и «человеческие» очертания, что подтверждается и археологическими, и лингвистическими данными. Антропоморфные признаки крыльца определялись, прежде всего, формой обработанных топором столбов-балясин. В качестве примера могут послужить два мощных несущих конструкцию столба, обнаруженных в древнем Великом Новгороде в слоях начала XV в. [Колчин 1971, 30. Табл. 20. 1—2]. Отголоски представлений о крыльце как существе, имеющем в своем облике наряду с зооморфными и антропоморфные элементы, сохраняются и в памятниках письменности, и в диалектной речи. Так, в древнерусском языке слово *крыльце*, *крыльцо* означало не только «крыло», но и «часть спины у плеч, лопатка», а в севернорусских говорах — «ключица», «лопатка» [СРГКиСО — 3 1996, 40; СРЯ XI—XVII вв. — 8 1981, 95]. Не случайно о широкоплечем человеке говорят: «У него крыльцо — два метра!» [Криничная 2001, 145]. В результате в народном творчестве, вербальном и изобразительном, представления о крыльце проявляются в образных параллелях: «строение — птица», «строение — человек». В последнем случае покосившееся крыльцо — знак неблагополучия, болезни; разрушенное крыльцо символизирует смерть обитателей жилища; красное высокое крыльцо знаменует стабильность крестьянского микрокосма. В христианизированной же рукописной традиции отсутствие

крыльца у дома, локализованного на том свете и приуготовленного для его будущего обитателя, обозначает свершившееся прегрешение последнего: «И показа ми храмину не вельми велику и честно устроену, а крыльца в ню несть, ни ступеней. И сказа мне она [умершая мать]: “Сия храмина твоя будет, аще крестишися святым крещением и сохраниши е чисто без всякия скверны греховныя, и ступени будут у храмины твоя добрым житием вданы”». [Пигин, Юхименко 2003, 137].

В том или ином облике крыльца, как и избы в целом, «прорастает» принесенная при строительстве дома жертва: чаще петух, курица, иногда человек. Со временем этот обряд себя полностью изжил. Но в пластическом «языке дерева», отличающемся своей консервативностью, а нередко и в вербальном творчестве, хотя оно более подвержено трансформациям, подобная модель в силу внутренних законов традиции продолжает срабатывать так, будто строительная жертва все еще продолжает служить акциональным и атрибутивным сопровождением связанного с ней плотницкого ритуала.

Включенность же крыльца и — шире — избы в мироздание, обеспечивающая контакты в этом локусе с трансцендентными существами, обуславливается, по народным верованиям, космогоническими знаками-символами в декоре его причелин и полотенец. Эта же идея заключена в отождествлении крыльца-столба с мировым деревом, о чем уже упоминалось выше. Появление сверхъестественного существа на крыльце либо в околокрылечном пространстве, изображаемое в быличках, бывальщинах и поверьях, в известной мере предопределено, стало быть, теми знаками-символами, которыми маркирована данная структурно-планировочная составляющая традиционного крестьянского жилища. Крыльцо само в некотором роде служит одной из персонификаций мифического покровителя. Периодическое проявление данного существа в этом медиативном локусе стимулировано в первую очередь его таинственной причастностью ко всем вехам жизненного цикла, которые переживает, находясь каждый раз в лимы-

нальном состоянии, тот или иной член семейно-родовой общины. Например, в эпизодах похищения паренька с крыльца в лес и возвращения его оттуда на прежнее место пульсирует архетип, сложившийся еще применительно к обряду инициации: «*Стоит у крыльца лесовик и говорит: "Я, Кузьма, тебя долго жду". Посадил на плеча Кузьму и потащил в леса и носил Кузьму долго лесовой. Стали Кузьму отворачивать, колдунов искать. И колдуны стали отколдуывать, чтобы лесовой вернул Кузьму. И Кузьму лесовой и принес, к крыльцу*» (выделено мною.— Н.К.) и *кинул*» [АКарНЦ РАН колл 15, № 9].

Незримый распорядитель человеческой судьбы появляется в этом локусе и в момент женитьбы/замужества парня/девушки, маркированный знаком перехода из одного статуса в другой. Не из какого-либо иного места, а именно у крыльца «рыщит» мифический покровитель «сродникам» потенциального жениха слова predeterminedной ему судьбы: «*Кому невеста где, а вашему Николе здесь*» [АКарНЦ РАН колл. 6, № 103]. На крыльце, по народным верованиям, осуществляется связь с недифференцированным запредельным миром. Неудивительно, что невеста, покрытая платком, как «одеяльем» (в знак ее лиминального, «порогового», состояния), согласно одной из версий, расстается с «волей», а по сути — со своей душой именно в этом локусе: «*На крыльце выходят, на крыльце. И вот этот брат или братан приходит и вот эту косу расплетать-то надо. А там мать плачет: "Ты отдай свою бажону вольню волюшку ..."*» [АКарНЦ РАН колл. 162, № 65]; «*Брату-то волю подала. Ну, на крыльчке*» (выделено мною.— Н.К.) *это ...*» [АКарНЦ РАН колл. 191, № 48].

Крыльцо в мифологических рассказах и поверьях устойчиво связано и с символикой смерти. В урочный час, чаще в Христовскую, или Пасхальную, ночь, «*в ту пору, когда под замок (с крестным ходом) идут, всякой покойной, всякой пропащей к родительскому двору придет и повалитца ко крыльцу*» (выделено мною.— Н.К.)» [Ончуков 1908, 577, № 292]. На крыльце, осмысляемом в качестве медиативного пространства, живые встречаются с мертвыми. В одной из бывальщин девушка видит здесь

в святочную ночь своего недавно умершего жениха: «*Приходят к церкви, а у этой девушки только что жених умер, осенью. Оны приходят с подружкой, а он на крыльчке сидит. Сидит он на крыльчке, она прям удивляется: "Что такое? Похоронили, а он сидит"*» [АКарНЦ РАН колл. 127, № 122]. В другой бывальщине некий парень, ударив («колонув») ночью в колокол и спустившись на крыльцо, увидел сидящего там покойника в саване [АКарНЦ РАН колл. 161, № 830]. Символика приближающейся смерти закодирована в эпизоде падения у крыльца сосны, изображаемой в роли двойника, духа-покровителя одного из жильцов дома: «*У меня перед тем, как зять умер, приснилось: сосна пала (в снях). Вот это у крыльца пала сосна, высока. А у меня зять высокий*» [АКарНЦ РАН колл. 83, № 11]. На этой же мифологеме основана и поговорка: «*А сосна с краю упадет, вот и Пеша пропадет*» [АКарНЦ РАН колл. 151, № 39].

Выйдя на крыльцо в урочный час, человек, по народным верованиям, оказывается в медиативном локусе, одинаково доступном и для людей, и для обитателей трансцендентного мира, имеющих таинственную власть над каждым из семейно-родовой общины. Так, женщина, ступив в осенней тьме на крыльцо, а затем спустившись с него, сама не знает, «*коим побытьем оцудилась за полем, <...> у лесовой избушки*» [Рыбников 1991, 186]. В другом случае пьяный мужик, вышедший на крыльцо прохладиться, сам «*не мог сообразить и припомнить*», как он очутился в колодце [Максимов 1903, 18—19]. И тем не менее возникновение подобных кризисных ситуаций рассказчики неизменно объясняют происками того или иного мифического существа, в значительной мере уже дискредитированного под влиянием христианских воззрений.

Вступив на крыльце в прямой контакт с запредельным пришельцем, человек, согласно быличкам и бывальщинам, может вернуть заблудившегося родственника, потерявшегося односельчанина либо пропавшее животное. Причем утрата истолковывается как похищение, а похищение — как смерть, временная или окончательная. В одной

из бывальщин бабушка, желая вернуть внука, унесенного «чертом», выходит в двенадцать часов ночи на крыльцо. Махнув на три стороны платочком, она произносит магические слова приговора: «*Черт-черт, поиграй да назад отдай*». И «черт» отпускает парня [АКарНЦ РАН колл. 151, № 362]. В другой бывальщине мать в час ночи выходит на крыльцо, чтобы встретить «отвороченную» посредством колдовства дочку. По представлениям рассказчиков, само мифическое существо возвращает находившихся в его власти людей, и притом именно на крыльцо родного дома: «*Так ветром дунул, он ее так и хорнул на крыльцо и шлепнулась*» [Там же, № 487]; «*Ну, их (мужа и жену.—Н.К.) и потащили и притащили ночью, о крыльце хряснули, так только хоромы задрожали, как ён («старик <...>, страсть и глеть».— Н.К.) притащил их*» [Ончук 1908, 253, № 96].

К крыльцу крестьянского жилища, где потусторонний мир смыкается с посюсторонним, возвращается и пропадавшая в течение недели «коровушка». Ее якобы удерживали — не отпускали — лесные «хозяева», пока «знающая» женщина не попросила их вернуть животину «хозяевам своеобразным»: «*Коровушка пришла — мыргает у крыльца*» [АКарНЦ РАН колл. 199, 13—14]. Такой результат, по представлениям носителей традиции, стимулирован колдовским обрядом «отведывания», или «отворачивания», и санкционирован волей мифических существ.

Передача кого-либо или чего-либо, осуществляемая на крыльце или в околокрылечном пространстве, может иметь и противоположную направленность. Здесь, например, передают из «этого» в запредельный мир *обменыш*, оставленный людям мифическим похитителем взамен унесенного им человеческого дитяти и принявший его облик: «*Ой, батюшка да матушка, — говорит, — не жалеите, — говорит, — подьте киньте у крыльца, — говорит, — наиспашку. Ну, друга половина (домовой. — Н.К.) уберет, — говорит*» [АКарНЦ РАН колл. 73, № 220]. Передача же предметов, обычно хозяйственного назначе-

ния, в иной мир носит обывовленный характер. Так, например, оставляя на крыльце «квашоночку», чтобы домовая хозяйка могла напечь своим «робятам» хлеба, женщина наутро там же получает посудину обратно [АКарНЦ РАН колл. 184, № 9].

Поскольку крыльцо, по народным представлениям, располагается как бы в промежутке между мирами, находящиеся на нем ощущают близкое присутствие параллельного бытия. По одной из бывальщин, мужик, вышедший на крыльцо «*в какой-то праздничный день*», а вслед за ним и другие домашние отчетливо слышат шум свадебного поезда, который невидимо мчался через деревню [П.М. 1892, 808]. Преодолев границу инобытия акустически, этот поезд остался в его пределах визуально.

Крыльцо представлено и как зона регламентированных ритуалом контактов людей с мифическим прорицателем. Согласно одной из версий мантического обряда, приглашение суженого-ряженого, а по сути, персонифицированного в нем духа-«хозяина», девушка произносит, выйдя на крыльцо и оставляя приоткрытыми двери. Результат вполне предсказуем: «*Дак вот по крыльцу-то, слышала, будто сапоги идут*» [АКарНЦ РАН колл. 73, № 240]. Метонимический образ мифического пришельца в данном случае ограничивается лишь акустическими признаками. «Слушая» же звуки-символы будущего, доносящиеся из церкви, гадающие опять-таки стоят на крыльце у дверей. Здесь в этот момент эмпирическое пространство сливается с трансцендентным миром, где настоящее не отделено от прошлого и будущего. В этих условиях участникам мантического обряда открывается их судьба.

Подобные контакты, по народным верованиям, должны быть этикетно регламентированы либо ритуально санкционированы. При нарушении же правил взаимодействия миров контакт человека с мифическим пришельцем заканчивается трагически. Как повествуется в одной из бывальщин, девушка, самовольно снявшая на крыльце с ночного гостя шляпу, гибнет при вынужденном возвращении ее владельцу

[АКарНЦ РАН колл. 6, № 102; колл. 84, № 38; колл. 127, № 122; колл. 169, № 434].

При появлении же на крыльце мифического пришельца, низведенного в ранг нечистой силы, у контактера возникает непреодолимый страх, чувство смертельной опасности. Наиболее часто визит ночного гостя бывает спровоцирован несоблюдением норм повседневной народно-христианской обрядности, в том числе и сопряженных с представлениями о «замыкании»/«размыкании» миров. Так, не испросившая на ночь благословения лишает себя оберега от «нечистой силы»: *«А вот как не клала ворота благословясь <...> — идет, идет по крыльцу в мерзлых сапогах»* [АКарНЦ РАН колл. 184, № 67]. В рассматриваемом медиативном локусе, включенном, по мнению рассказчиков, некоей своей скрытой сущностью в тайную взаимосвязь предметов, индивид может подвергнуться воздействию порчи: *«Если человек выходит на крыльцо или за ограду — и с дерева падает сорока намертво, то с человеком произойдет какая-либо неприятность или придет горе, то есть порча, или человек окривеет, или его парализует»* [АКарНЦ РАН колл. 178, № 347. Варианты: № 355]. Во власти колдовской разрушительной силы здесь может оказаться и человек, у которого такое же имя, как у того, на кого была направлена порча: *«А в Нюхче был случай: на церковном крыльце стукнуло так, что заболел человек того же имени»* [АКарНЦ РАН колл. 129, № 37]. Иначе говоря, пребывание индивида на крыльце не остается без последствий для его дальнейшей судьбы, знаменуя существенный поворот в жизни каждого, кто в урочный час окажется в этом пограничном пространстве.

Таким образом, крыльцо в вербальном и изобразительном народном искусстве осмысливается как медиативный локус, где разыгрывается очередная мистерия, когда человек ощущает присутствие здесь пришельцев из трансцендентного мира. В числе их могут быть духи-«хозяева», покойники, двойники-покровители, «черти», а подчас, надо полагать, и просто чужие либо неузнанные люди. Иногда речь идет о персонификации некоего акустичес-

кого эффекта, имеющего естественное происхождение либо являющегося продуктом определенной психологической проекции на хранящиеся в подсознании архетипические модели.

Вместе с тем крыльцо, по народным воззрениям, выступает и в роли самого медиатора между мирами. Не утрачивая своих изначальных орнитоморфных признаков, оно предстает и как антропоморфный персонаж, который оказывается сродни тяготеющим к крыльцу мифическим существам. В этом не лишнем субъектных признаков локусе обозначаются, как мы видели, все вехи жизненного цикла, все важнейшие повороты человеческой судьбы.

Примечания

АКарНЦ РАН — Архив Карельского научного центра Российской Академии наук. Фонд 1. Опись 1.

Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. Общая лингвистика / Перевод с французского. М., 1974.

Бломквист 1956 — Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956 (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXXI). С. 3—458.

Борисевич 1982 — Борисевич Г.В. Хоромное зодчество Новгорода // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 269—294.

Варенцов 1860 — Варенцов В. Сборник духовных стихов. М., 1860.

Глазычев 2002 — Глазычев В.Л. Архитектура: Энциклопедия. М., 2002.

Даль 1989 — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1989. Т. 2.

Домострой 1881 — Домострой по списку Имп. Об-ва истории и древностей российских. С предисл. И.Е. Забелина / Чтения в Имп. Об-ве истории и древностей российских при Московском университете. 1881. Кн. 2.

Зеленин 1991 — Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Колчин 1971 — Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971. Е1—55. (Археология СССР: Свод археологических источников).

Криничная 2001 — Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. СПб., 2001. Т. 1.

Максимов 1903 — Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.

Невская 1982 — *Невская Л.Г.* Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982. С. 106—121.

Никитина, Кукушкина 2000 — *Никитина С.Е., Кукушкина Е.Ю.* Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах (опыт тезаурусного описания). М., 2000.

Ончуков 1908 — Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.): Сб. Н.Е. Ончукова. СПб., 1908 (Зап. Имп. Русского географического об-ва по отд-нию этнографии. Т. XXXIII).

Ополовников 1983 — *Ополовников А.В.* Русское деревянное зодчество: Гражданское зодчество. М., 1983.

Пермиловская 2005 — *Пермиловская А.Б.* Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX-начало XX века). Архангельск, 2005.

Пигин, Юхименко 2003 — *Пигин А.В., Юхименко Е.М.* К истории жанра видений в выговской литературной школе («Видение некоей старухи» в 1748 г.) // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сб. научных статей и материалов. СПб., 2003. С. 129—138.

П.М. 1892 — *П.М.* Этнографические материалы: Из быта и верований корел Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 77.

Рыбников 1991 — Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: В 3-х т. Петрозаводск, 1991. Т. 3.

СРГКиСО 1996 — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6-ти т. СПб., 1996. Вып. 3.

СРЯ XI—XVII вв. 1981 — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1981. Вып. 8.

СРЯ XI—XVII вв. 1988 — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1988. Вып. 14.

Фасмер 1986 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М., 1986. Т. 2.

Фасмер 1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3.

Чижилова 1970 — *Чижилова Л.Н.* Архитектурные украшения русского крестьянского жилища // Русские. Историко-этнографический атлас: Из истории русского народного жилища и костюма (украшение крестьянских домов и одежды). Середина XIX — начало XX в. М., 1970.

Шамбинаго 1900 — *Шамбинаго С.* Древнерусское жилище по былинам (К материалам для исследования бытовой стороны русского эпоса) // Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера. М., 1900.

Шанский 1982 — Этимологический словарь русского языка / Под руководством и редакцией Н.М. Шанского. М., 1982. Т. 2. Вып. 8.

А.А. ИВАНОВА
(Москва)

КЛАДБИЩА И МОГИЛЬНИКИ В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ПИНЕЖЬЯ

Одна из задач современной этнопоэтики состоит в выявлении разного рода «зависимостей» между явлениями материальной и духовной культуры, что позволяет решать проблемы не только типологического, но и генетического порядка. При этом важно помнить о том, что в процессе тексто-, сюжето- и жанрообразования в структуре фольклорного образа сопрягаются сразу несколько компонентов — реальный (этнографический), понятийный (мировоззренческий) и поэтический (художественный). Они и станут предметом нашего анализа на примере группы фольклорных жанров, связанных с некрокультурными объектами. Отобранные приметы, поверья, несказочная проза, причитания, похоронно-поминальная обрядность, а также представления о смерти и посмертном существовании, о «взаимоотношениях» мира живых и мира мертвых относятся к одной региональной традиции — Пинежскому р-ну Архангельской обл. Подобное ограничение принципиально важно для работ по означенной проблематике, поскольку состав и структурная конфигурация региональных культурных ландшафтов¹

¹ Под культурным ландшафтом понимается природно-культурный комплекс, созданный и/или освоенный сообществом людей. Основные его компоненты:

- природный ландшафт;
- сообщество людей, взятое в этнологическом, социальном, семейном, конфессио-нальном и прочих аспектах;
- хозяйственная деятельность;
- селенческо-расселенческая система;
- языковая система;
- духовная культура (сфера верований, ритуальной практики, фольклора и других видов народного искусства).

Два последних компонента являются также универсальными способами описания, сохранения и ретрансляции культурного ландшафта во времени и пространстве. Соответственно по отношению к ним все другие компоненты КЛ выступают как объекты описания, формирующие содержательный (сюжеты, мотивы, образы), поэтический и